

Татьяна Алюшина

Невероятная
очевидность чуда

Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной

Татьяна Алюшина

Невероятная очевидность чуда

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Невероятная очевидность чуда / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2025 — (Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной)

ISBN 978-5-04-218670-7

Мы все куда-то бежим, боремся с превратностями судьбы, пытаемся все успеть, не отстать от других и при этом не потерять себя... Встретить «своего», близкого по духу человека в этом безумном мире — настоящее чудо, не так ли? Счастье часто приходит неожиданно и даже может застать нас врасплох. Ева Ахтарская знает об этом не понаслышке. Отправляясь в долгожданный отпуск в любимую Калиновку, Ева не знала, какой сюрприз ее поджидает. Зайдя в свой дом, девушка обнаруживает там... совершенно незнакомого мужчину. К чему приведет это вынужденное знакомство?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218670-7

© Алюшина Т. А., 2025
© Эксмо, 2025

Татьяна Алюшина

Невероятная очевидность чуда

Автор выражает благодарность поэту *Андрею Ковалеву* за предоставленные стихи

© Алюшина Т., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Разумеется, дождь, встраиваясь в концепт всего ее сегодняшнего дня, проходящего под девизом «засада крепчала, сплачивалась и лупила куда ни попадя, но со всем своим старанием» и отлично дополняя его, пошел именно в тот момент, когда Ева выбралась из маршрутки.

Еле сдерживаясь от того, чтобы громко, проникновенно и с большим душевным чувством не выругаться, изливая переполнявшее ее сверх всякой меры раздражение, нервным рывком Ева выволокла из нутра общественного транспорта неудобный чемоданище, уже реально доставший ее до невозможности за время пути, и чуть ли не швырнула в сердцах на шерба-тый асфальт, словно хотела отделаться от него раз и навсегда. Горячее желание выкинуть куда-нибудь этот ужас на колесах Ева испытывала с момента, как только его увидела, но с немедленным избавлением решила пока повременить – сначала неплохо бы все-таки добраться до конечной цели и пункта назначения путешествия. А там уж можно и баулами расшвыриваться.

Обиженно-жалостливо проскрипев «раненым» колесиком, словно попеняв злобной девице за такое с ним непочтительное обращение, ни в чем не повинный чемодан бухнулся рядом с ногой Евы. С легким шипением дверь маршрутки закрылась, и... именно в этот момент пошел дождь. Причем такой... настоящий себе дождь – не ливень, но близко к тому.

Пошел вполне себе ожидаемо, тут без претензий к природе – весь день собирался пролиться и все подавливал и подавливал, низкими нависшими сизыми тучами накрыв, казалось, все Подмосковье и соседние с ним области, в частности ту самую, в которую и прибыла Ева Валерьевна Ахтарская.

Ну что бы ему не подождать-то было, тому дождю, еще каких-нибудь пятнадцать минут, раз уж за долгие три часа не самого спокойного и легкого пути Евы он так и не разродился, ведь терпел же этот дождина как-то все это время.

Всего пятнадцать минут!

Тут же осталось-то всего ничего, каких-то пятнадцать минут быстрого шага – рукой подать, – и она успела бы дойти до дома.

Нет, понятно, что спонтанное решение ни с того ни с сего ехать в Калиновку само по себе было чистой воды авантюрой. Ну а как его еще можно назвать, если два дня назад, практически уже ночью, когда после тяжелой смены и двух многочасовых операций Ева еле выволокла домой свое изнуренное до невозможности тельце. С-сидела с вытянутыми, гудящими от усталости ногами на пуфике в прихожей, не в состоянии наскрести в себе остатки сил, чтоб хотя бы элементарно снять верхнюю одежду и разуться, в ее опустевшую от переутомления голову вдруг вскочила неожиданная мысль:

«Хочу в Калиновку!»

И так эта дурная мысль застолбилась и закрепилась в пустом пространстве решившего отдохнуть от напряжения сознания доктора Ахтарской, что отделаться от этой засевшей мыслишки у нее не получалось, как она ни старалась, что называется, «перебить повестку» и отвлечься на что-то иное.

В результате напрочь проигранного соревнования с вирусной идеей, поселившейся у нее в голове, уже на следующее утро Ева примчалась в больницу. И, удачно выловив главного врача отделения всего за полчаса до назначенной у него операции, затребовала у того отпуск, решительно подвигая к нему по столу свое заявление.

А что самое странное, из разряда «чудо-чудное, небывальщина!» – Волин таки подписал ее заявление, не сильно-то и сопротивляясь. Так, для видимости и галочки поугovarивал передумать, вспомнить о коллективе и плановых операциях, в график которых она поставлена. Но потом взял и подмахнул размашисто бумазейку Евы своей дивной, заковыристой подписью, сопроводив свое решение комментарием:

– Мне следовало самому тебя прогнать в отпуск еще неделю назад. Вижу же, в каком ты состоянии. Но людей не хватает. А... – махнул он раздраженно-бессильно рукой, – что говорить, сама все понимаешь, – и вздохнул тягостно.

Она понимала. Кадры, это да – такая проблема... Мягко говоря, сложная. Причем глобальная для всех медучреждений, не только для их отделения и больницы – в масштабах всей страны, скажем так.

– Так что пользуйся, пока я не передумал, испугавшись, что согласился тебя отпустить, и беги. – Еще разок безысходно вздохнув, Антон Ильич резким, решительным движением руки придвинул обратно к Еве подписанное им заявление.

И уже через два часа, завершив все необходимые формальности: подписав документы, отметившись в кадрах и бухгалтерии, – Ева покинула больницу. Удачно избежала при этом встречи с Игорем Изворским, которому предстояло заменить ее на всех ближайших плановых операциях. Тот пока пребывал в счастливом неведении. И Еве совсем не хотелось выводить из него коллегу, откровенно говоря, подставив своим неожиданным отпуском.

Поэтому, бросив мимолетный взгляд в окно и увидев идущего к центральному входу в отделение Игоря, Ева испытала острый приступ шкрябнувшей по нервам вины. Резко развернувшись, она рванула в другую сторону, выстрелянной пулькой выскочила на лестницу черного выхода и разминулась с коллегой буквально на каких-то пару спасительных секунд.

Калиновка стучала в голове Евы набатом, обещавшим пусть не райское блаженство, но отдых от всего и всех, тихую размеренность и, главное, тишину. Тягучую, глобальную тишину и растянувшееся время поздней стыллой осени – то самое, чего буквально требовала и просила сейчас душа Евы.

Так что прости, Игорек, она потом и повинится перед тобой, и отработает твои смены, если понадобится, и выкатит какой-нибудь презент замирительный. Обязательно. Но потом.

А сейчас – свобода и Калиновка!

Вот только до любимого дома в далеком поселке еще надо было добраться. Не то чтобы далеко, но это как посмотреть и с чем сравнивать – не Сибирь, конечно, это да, но и не теплый Юг. На скоростном экспрессе от Москвы два часа с Ленинградского вокзала. А там еще на междугородной маршрутке около часа, ну и пешочком от остановки пятнадцать минут и... все-е-е, можно наконец выдохнуть умиротворенно...

Она в домике! Красота!

Вечером, испытав чувство удовлетворения от понимания, что шальная идея, вскочившая ей в голову, приобретает все более реальный костяк, обрастая деловыми подробностями, Ева купила через приложение в интернете билеты на поезд и маршрутку и, поужинав, наладилась собирать вещи.

И вот на этом самом месте отрезок складывавшихся «как по маслу» всех предыдущих ее решений, обстоятельств и действий, видимо, закончился. И перешел в режим «двигаемся дальше, но уже с некоторым напряжением и непредвиденными колдобинами».

В качестве первой «колдобины» выступило неожиданно открывшееся обстоятельство, что любимый, удобный и родной чемоданчик Евы развалился окончательно и бесповоротно. Не закрывается он совершенно и к использованию по прямому предназначению более не пригоден.

Понятное дело, что развалился он не прямо вот сейчас, а бог упомнит когда – в те незапамятные времена, когда Ева еще куда-то ездила. О вышедшем из строя чемодане она, разумеется, благополучно давно и напрочь забыла – вместе с теми самыми канувшими временами. Таким вот образом и получилось, что проблема упаковки вещей встала перед Евой Валерьевной во весь свой чемоданный рост, причем ближе к двенадцати часам ночи. Когда она и приступила к последнему этапу всех своих сборов в дорогу и предпринимать что-либо реальное – типа срочной покупки нового чемодана – было уже поздно.

Собственно, можно было не заморачиваться сложным выбором и растолкать все необходимое по сумкам и пакетам, но устройство натуры и разума Евы Ахтарской не переносило бестолковости и отсутствия нормального, продуманного порядка во всяком деле, за которое она бралась. А появление нескольких дорожных сумок и каких-нибудь баулов вместо одного чемодана, по ее оценке, относилось как раз к разряду той самой обременительной бестолковости и элементарного неудобства.

Пришлось Еве ковыряться в закромах, в которых она таки отыскала и извлекла на свет старый, громоздкий, здоровенный чемодан. Он больше походил своими габаритами и неприглядной угловатостью на потрепанную жизнью картонную коробку от стиральной машинки, а не на удобное средство для упаковки вещей, в котором братец как-то привозил им с мамой кучу подарков и восточных вкусняшек, да так и оставил вместе с содержимым у них дома. Девать этого уродца было некуда, а выбросить вполне себе пригодную рабочую вещь не хватило решимости. Вот и засунули в дальний угол хозяйственной каморки, как водится у всех в нашей стране: «на всякий случай, вдруг пригодится».

«Ты-дын-н-н» – зазвучали фанфары для старичка, настал ваш звездный час, господин Чемодан, вы пригодились! Не зря, выходит, пылились столько лет на задворках.

Выступающий со своим бенефисом «артефакт» всем своим видом и устройством ужасно раздражал эстетические и рачительные установки Евы Валерьевны Ахтарской. Но деваться было некуда, поскольку в первом часу ночи иных вариантов, кроме этого гроба на колесиках, у нее не нашлось. Довольствуемся тем, что имеем! А то, что в чемодане осталось слишком много места после того, как она сложила в него все, что наметила взять с собой, и по незаполненным пустотам его нутра барахло бултыхалось, перемешиваясь в одну хаотичную кучу, – ясное дело, лишь надало и усугубило неприятные эмоции Евы.

Тяжко-безысходно вздохнув, она натолкала в чемодан дополнительного шмотья и всякой мелочовки. Даже рюкзачок, с которым намечала ехать, засунула со всем его содержимым, кроме документов, телефона, кошелек и ключей от квартиры и дома, которые она переложила в маленькую дорожную сумочку.

Ну, вроде бы все, – фух! – собралась, хоть с перегрузом и совсем не так, как намечала, но уже можно выдохнуть и успокоиться.

Ага! Шас! Тот самый случай – посмеялась планида Евы Ахтарской над всеми ее оптимистичными выдохами.

Утро следующего дня не задалось с самого начала, по всем правилам и в русле концепции закона Мерфи, гласившего, как известно, что все, что может случиться – случится обязательно, а что не может случиться – случится тоже. И каждый этап дальнейшего пути Евы по закону

той самой подлости был отягощен неожиданными трудностями и напряжениями разного уровня неприятностей, валившимися на нее.

Сначала произошла какая-то непонятка с такси – одно ехало-ехало и не доехало, по невыясненным причинам снявшись с заказа. Вторую машину отчего-то никак не удавалось заказать. В конце концов машина на ее маршрут нашлась, но ждать пришлось долго. Когда Ева начала всерьез волноваться, понимая, что имеет все шансы не успеть на экспресс, такси все же подъехало.

Дальше – еще веселей! Ева вышла из лифта на первом этаже, и в этот момент одно из колесиков чемоданного монстра, внезапно издав непотребный скрежет последнего издыхания, вывернулось каким-то странным образом. И чемодан начало уводить в сторону, отчего он чуть не завалился набок, а несчастное колесо болталось при этом, демонстрируя свою готовность и вовсе отвалиться. Следующим сюрпризом стало открытие, полученное, так сказать, экспериментальным путем, – вес и габариты чемодана оказались слишком большими для миниатюрной Евы, когда та предприняла попытку его приподнять и вынести вместо того, чтобы волочить за собой под аккомпанемент ненормального колесного скрипа.

Ругаясь громким шепотом почему зря, пытая и отдуваясь от натуги, Ева вытащила чемоданище из подъезда и кое-как донесла-таки его до такси. При этом таксист даже не дернулся помочь девушке, лишь посматривая со своего сиденья за ее потугами с большим познавательным интересом. Козел вообще-то.

Ну ладно, бог с тем таксистом, получившим большой минус в свою карму, главное, в машину она загрузилась, выдохнула облегченно, ну и все – поехали, слава богу!

Но! Дважды они вставали в пробках. Дважды!

Эти непредвиденные гадские задержки теребили и без того уже изрядно истрепанные нервы девушки. Но на вокзал к отходу поезда она таки успела – правда, буквально впритык к отправлению! – и неслась к перрону, скрипя и сипя несчастным колесиком на всю вокзальную площадь, грохоча оставшимися тремя рабочими колесами по стыкам плиток. Кое-как, с большими усилиями, матерясь сквозь зубы, вцепившись в петлю для транспортировки обеими руками, Ева вытащила по пандусу на перрон злополучный чемодан, волоча за собой эту махину. Добежала она до своего вагона и ввалилась в него, задыхаясь и сипя, как выброшенная на берег из своей тихой-мирной и спокойной глубины рыбина.

Ладно, все, она успела, ура! Теперь можно окончательно выдохнуть, успокоиться и расслабиться хотя бы на следующие два часа.

Ну да, как же, расслабиться! Сегодня же явно не день Евы Валерьевны Ахтарской.

И поняла она сей прискорбный факт с полной и очевидной неизбежностью, когда нашла кресло с номером, соответствующим купленному билету, и узрела соседа, предназначенного ей судьбою для дальнейшей двухчасовой поездки.

Кое-как уместившийся, но до конца так и не втиснувший свое расплывшееся, массивное, бесформенное тело в довольно широкое кресло, у окна элитного экспресса сидел толстяк.

Нет, не так – очень большой и очень толстый мужчина.

Отфыркиваясь, удушливо, с натугой сипя при каждом вдохе и выдохе, он вытирал огромным платком, больше похожим на кусок простыни, чем на известный аксессуар «носового» назначения, покрытое неровными красными пятнами и крупными бисеринками пота широкое лицо грушевидной формы. К тому же еще и сплюснутое у висков и расширявшееся книзу, куда оно словно бы стекало тестообразной массой, остановившись лишь на плечах, на которых и разлеглось, погребая под собой шею, ежели таковая вообще имелась в устройстве этого организма. Мужчина смотрел на Еву изучающе-оценивающим взглядом глубоко посаженных мелких, каких-то бесцветных глазок, терявшихся в столь своеобразном устройстве его лица.

– Чуть не опоздал, – пояснил свое состояние мужчина и промокнул «простыней» вновь начавший выступать на лице пот. – Вы, смотрю, тоже в последний момент успели, – махнул он

в сторону дверей пухлой рукой с зажатым в ней платком-гигантом, поддерживая этим жестом свои выводы.

– Да, – призналась Ева, коротко кивнув, но не продолжая, впрочем, никаких дальнейших пояснений, и села в свое кресло.

– Вы моя соседка-попутчица, – улыбнувшись полными губами-варениками, с довольным видом констатировал очевидный факт мужчина.

– Получается, что так, – подтвердила Ева сей прискорбный для нее факт и дежурно улынулась в ответ.

– Отлично! – откровенно порадовался мужчина. – Хорошая беседа сокращает любую дорогу, а уж беседа с симпатичной женщиной делает эту дорогу еще и приятной!

– Угум-м, – промычала нечто неопределенное Ева, мысленно безнадежно застонав.

Вот меньше всего на свете Еве, как говорит медсестра ее отделения, «впало» сейчас вступать с кем бы то ни было в какие-то беседы, тем паче с этим вот соседом, продолжавшим разглядывать ее неприятным, оценивающим взглядом своих острых, маленьких глазок.

Да уж, подфартило так подфартило, ничего не скажешь.

Как и ожидала Ева, толстяк оказался излишне навязчивым и приложил максимум усилий, чтобы разговаривать девушку, предлагая разные темы для беседы и задавая ей много лишних вопросов. Коротко-неинформативно ответив на те из них, которые посчитала достаточно нейтральными, Ева, торопливо извинившись, призналась неприятному попутчику, что зверски устала и хотела бы немного подремать.

Подремать, оно, конечно, было бы очень даже неплохо, кто бы спорил, но больше всего в данный момент Еве хотелось отделаться, отгородиться от соседа и остановить поток его красноречия. Что она и сделала весьма показательным образом – откинув голову на подголовник, закрыла глаза и отвернулась от мужчины.

Сосед поспел с явно считаваемым неудовольствием, шумно поотдувался, видимо, еще и так выражая свое негативное отношение к отповеди девушки, но лезть с новыми вопросами к ней все же не рискнул.

Ну вот и славно, и помолчи уже, пожалуйста.

Стараясь отрешиться от пытящего рядом недовольного толстяка-соседа, а заодно и от всех досадных до невозможности мелких неприятностей, валившихся на нее со вчерашней ночной эпопеи с чемоданом, Ева произнесла про себя, словно мантру, по слогам: «Ка-ли-нов-ка».

Потерпеть каких-то три часа, ну ладно, чуть больше трех часов, и она будет дома.

Она вдруг вспомнила бабушку Яну. Неожиданно так вдруг выскочило воспоминание, словно наяву, будто происходило совсем-совсем недавно и оттого помнилось четко, ярко, во всех подробностях и деталях. Она увидела взором памяти, как бабуля отводит ладошкой занавеску на окне их дома в Калиновке, изучающе осматривает двор, вслушивается в монотонно шлепающий каплями, зарядивший надолго, по-хозяйски неспешно дождь и вздыхает:

– Ноябрь совсем на вторую половину перевалил. Коренная зима уж и не на пороге даже, а в сенях стоит.

Ева непроизвольно улынулась этой картинке и бабулиным словам. Как большинство людей в их стране, бабушка Яна промозглый, сизый и холодный межсезонный ноябрь не любила.

А вот Ева, наоборот, воспринимала этот месяц как некий момент почти мистического перехода из одного состояния в иное – из старости прошедшего года к звенящей морозами юности следующего.

Не то чтобы прямо любила это время, но иногда испытывала внутреннюю потребность в уединении – перевести дыхание и сменить, остановить слишком стремительный и наполненный темпоритм, в котором приходится жить в большом городе.

И лучше всего для замедления течения жизни и погружения в состояние душевного умиротворения и релаксации ей подходил задумчивый, промозглый и грустный ноябрь. С его дымчатой, прозрачной загадочностью пейзажей, размытых мелким дождем, с потемневшими до коричневы палыми листьями и уже редкими шляпками грибов, выглядывающих из нее, с выпростанными молитвенно в небо голыми мокрыми ветками, с неторопливой рыбой в реке и какой-то дивной, особой, пронзительной прозрачностью высокого, уже холодеющего неба в те редкие денечки, когда солнце побеждало слякотные дни.

Сейчас Ева испытывала остро-нестерпимую потребность окунуться в эту самую тишину, в прозрачную грусть и торжественность прощального ноября, насладиться, наполниться уединением, в неспешной неторопливости проживая, смакуя каждый день, очищаясь таким образом от всего большого и сложного, и отпуская то, что требовалось отпустить, и прощаясь с теми, с кем необходимо проститься...

За воспоминаниями и размышлениями о ноябре с его слякотно-растянутой неспешностью Ева и не заметила, как сумела расслабиться и на самом деле, а не притворно для конспирации, погрузиться в дрему. Да такую приятно-обволакивающую и глубокую, что проснулась и вскинулась лишь в тот момент, когда сосед-толстяк тряхнул ее за плечо.

– Поезд уже останавливается, – не самым довольным тоном уведомил он девушку, – вам надо меня выпустить.

– Да-да, – засуетилась спросонок Ева, спешно поднимаясь из кресла, не сразу встраиваясь в реальность после расслабленного подремывания.

Не, ну выпустить человека действительно требуется, тут не поспоришь, непонятно только, за каким фигом тот брал билет у окна. При таких-то... *тесторасползающих*, скажем так, габаритах намного удобней, да и проще бы сидеть с краю.

Впрочем, это не ее дело, да и, честно признаться, Ева просто откровенно вредничает и бухтит про себя недовольно – ну не понравился ей товарищ, вызвав какое-то стойкое неприятие и отторжение, что поделаешь, бывает.

Вон он устремился к стойке с багажом, сейчас выйдет из поезда, и они, слава тебе господи, больше никогда не увидятся.

Ну да, ну да! «Не так быстро, дорогая, – хохотнула обманчивая фортуна, сегодня явно выступавшая не на стороне Евы, – это ты просто расслабилась и пригrelась от суетности в своем приятном сне, а денек-то еще не закончился и дорога твоя тоже», – напомнила она ей.

Толстяк никуда не делся, как надеялась и ожидала Ева, а суетился в тамбуре, с озабоченным видом ковыряясь в большой кожаной сумке, которую пристроил сверху огромного чемодана, на фоне которого Евин «инвалид» казался мелкоформатным подростком.

– Всего доброго, – пожелала Ева попутчику, проявляя одно из своих лучших качеств: хорошую воспитанность, включающую в себя в том числе умение не демонстрировать свои истинные эмоции.

– Да-да, – покивал рассеянно бывший теперь попутчик, продолжая поисковые изыскания в глубинах своей сумки, – и вам, Ева, хорошего дня.

Проскрежетав предательским колесиком-подранком по съемному пандусу, Ева вышла из вагона на платформу и, не особо спеша, направилась ко входу на вокзал – у нее было целых полчаса до маршрутки, отправлявшейся с вокзальной площади, за которые она вполне спокойно успевала неторопливо выпить чашечку кофе в довольно неплохом кафе рядом с вокзалом.

Еще немного, последний, можно сказать, рывок – маршрутка, – и она практически дома, напомнила себе Ева.

«Обязательно, – хмыкнула зловредная действительность, – только сначала...» И предельно засандалила девушке по бедру углом монструозного чемодана толстяка соседа, которым тот задел Еву, торопливо пробегая мимо.

– Оу-у-у-у! – прошипела от боли Ева, потирая ушибленное место. – Вы что, обалдели?! Не смотрите, куда идете?

– Простите, я случайно, – без намека на какое-либо раскаяние «извинился», разве что не светясь от довольства, мерзкий мужик.

– Да? – разъярилась Ева. – А если я сейчас вас так же чем-нибудь «случайно» задену? – сделав упор на этом слове, посмотрела на него своим особым, непростым взглядом, введившим в состояние внутренней неуютности и тревожности людей куда как покрепче нервами, чем этот гаденыш.

– Простите! – растерял большую часть своей наглой уверенности мужик и как-то даже сдулся немного. – Я не хотел!

– Вы хотели, – холодно возразила ему Ева, – и это легко доказать: видео, – указала она пальцем на столб, на котором была закреплена камера видеонаблюдения. – А приложенное к нему заявление об умышленном нанесении травмы и подтвержденные справкой последствия вашего нападения станут отличной основой для добротного судебного разбирательства.

– Я тороплюсь! – подвзвизгнул как-то по-бабьи перепуганно, фальцетом мужик. – Я случайно, случайно! – И, дернув к себе свой чемоданище, смешно перебирая толстыми ногами, практически побежал вперед, улепетывая от девушки, оказавшейся весьма непростой штучкой.

– Вот же сволочь! – возмутилась Ева, все потирая и потирая ушибленное место.

Синяк наверняка останется. Ну не гад ли скотинский?

Гад, конечно, а то! Только чего уж теперь взбухать попусту.

– Надо было не пугать, а врезать этой сволочи со всей своей душевной щедростью! – проворчала Ева себе под нос и возмутилась с глубоким эмоциональным недоумением: – Что за день-то такой, етишкина кондрашка, а?

Ну вот такой день. Надо было, наверное, гороскопы какие-нибудь почитать, которые так уважает санитарка их отделения Валентина, рассказывая на дежурствах всему медперсоналу, что за фигня с каждым из них должна сегодня случиться, хрен знает, или прогноз магнитных бурь, ретроградных Марсов и неблагоприятных дней – что там еще следует смотреть и рассчитывать, прежде чем пускаться в далекие и не очень путешествия?

Да бог знает, с чем там надо было сверяться, она вот не сверилась, не посмотрела ничего и ни на что: вступило в голову – хочу в Калиновку, – и понеслась, словно у нее где подгорает и прямо вот опоздает она, если хотя бы на денек задержится, можно подумать!

Ладно – тягостно вздохнув и потеряв ушибленное бедро, успокоилась как-то в один момент Ева, притянула к себе проскрипевший жалобно подраненным колесиком чемодан и поплелась дальше по своему маршруту.

Кофе она выпила. Что хоть совсем немного, но сгладило душевное дребезжание и досаду от преследующей ее весь день с каким-то маньячным упорством засады. Перевела дыхание, взбодрилась, подхватила чемодан свой, вышла из кафе и отправилась на маршрутку, при каждом шаге испытывая болезненные ощущения в ушибленном бедре, невольно будоражившие успокоившееся было раздражение и заставлявшие вспоминать мстительного жирдяя.

Но, как оказалось, столь сумбурно-неласково начавшийся день, еще даже не переваливший за половину, запаса своих каверз еще не исчерпал, и валившиеся на Еву с самого утра подставы не оставили ее своим гадским вниманием и на этом этапе пути.

Методом, в самом что ни на есть прямом смысле, экспериментального тыка вдвоем с водителем маршрутки Еве удалось установить тот факт, что ее чемодан никаким образом не помещался в небольшом багажном отсеке автомобиля, то есть совсем, как тело того гадского толстяка в кресло железнодорожного экспресса. Пришлось ставить чемодан в проходе салона и на каждой остановке выслушивать недовольное шипение и раздраженные упреки всех выхо-

дящих и входящих пассажиров. Оно и понятно, она бы, наверное, тоже недовольно ворчала, окажись на их месте.

Но все рано или поздно заканчивается, и с чувством небывалого облегчения Ева высмотрела показавшуюся из-за поворота такую знакомую остановку на трассе.

Напутствуемая осуждающими взглядами и недобрыми пожеланиями оставшихся в машине пассажиров, она наконец-таки выбралась из маршрутки.

И пошел дождь.

Зонт у нее, разумеется, имелся, кто ж путешествует в ноябре по просторам России да без зонта? Может, какой большой оптимист и путешествует без средства защиты от падающей с небес воды, но Ева к числу таких не относилась – зонт у нее имелся. Да еще какой – отличный, можно сказать, красавец зонт... Только он находился в чемодане, етишкина кондрашка!

В чемодане!

И раскладывать-разваливать этот гроб на колесах на остановке среди натекших луж, ковыряться в вещах и доставать этот прекрасный зонт из-за пятнадцати минут энергичной ходьбы до конечной точки ее маршрута не имело никакого смысла.

Поэтому, накинув на голову поверх стильной шапочки капюшон куртки и натянув перчатки на руки, глубоко вздохнув и продленно выдохнув, Ева мрачно-решительно ухватила за ручку чемодана и двинулась по асфальтированной дорожке в сторону главной поселковой улицы.

Погибельно крикнув, несчастное колесо окончательно и бесповоротно сломалось и отлетело в тот самый момент, когда мокрая, злая и до бог знает чего уставшая Ева отперла сложный сейфовый замок капитальной тяжелой калитки и шагнула на участок.

– Ну, хоть так, – проворчала она, поднимая с дорожки вывалившееся из крепления колесико, – а не по дороге. Спасибо и на этом.

Закрыв и заперев за собой калитку, она пошла по дорожке к дому, постояла у ступенек, ведущих на крытую веранду, опоясывавшую две стороны дома, одновременно являющуюся некой буферной зоной между участком и солидной железной дверью главного входа.

Тягостно вздохнув от последнего предстоящего рывка и положив колесо, которое так и держала в руке, сбоку от дорожки, она ухватила двумя руками за ручку и поволокла чемодан по ступенькам на веранду. При этом понося непотребными словами и этот гадский чемодан, и все попададова сегодняшнего дня вместе взятые, и свое решение тащиться в эту Калиновку в целом.

Ну втащила – слава тебе господи! Добралась-таки! Фу-ух...

Первым делом она сейчас запустит котел, прямо вот не раздеваясь, только скинет ботинки, протопает в хозяйственную комнату и запустит всю эту канитель, включит все рубильники, поставит чайник и заварит себе чаю, а потом...

Ева привалила к стене у двери колченогий, неустойчивый, задолбавший ее до невозможности чемодан, достала ключи из сумочки и вставила в замочную скважину.

Ключ не проворачивался, и замок не открывался... по простой и вполне себе банальной причине – поскольку уже был открыт, а дверь ее домика оказалась незапертой.

Если честно, Ева не испугалась и даже не насторожилась – а пофиг уже все! Лишь успела прокрутить в голове вполне логичное объяснение этому факту. Даже два вполне логичных и возможных объяснения.

Она нажала на ручку, открыла дверь, переступила порог и... встретила взглядом с совершенно незнакомым ей мужчиной, стоявшим в проеме распахнутой двери, ведущей из прихожей-сеней в коридор перед большой гостиной комнатой.

Среднего роста, стройный, даже скорее сухошавый, но весь какой-то мускулистый, лет сорока, наверное, с русыми волосами и проседью в короткой стрижке, вполне привлекатель-

ной, но неяркой, очень мужской внешности, с весьма-а-а непростым, внимательным взглядом темно-серых глаз, в данный момент смотревших на нее доброжелательно-улыбчиво.

Вообще вся его поза и то, как он стоял – расслабленно, с опущенными руками, с раскрытыми, немного развернутыми вперед ладонями, – демонстрировали то, что и должны были показать и для чего задумывались – открытую, доверительно дружескую доброжелательность и полное отсутствие агрессии. Классическая телесная демонстрация, однозначно трактуемая и понятная любому, даже начинающему профайлеру и практикующему психологу.

Ни профайлером, ни психологом, бог миловал, Ева не была, но имела весьма специфическое воспитание, образование и знания, полученные от родителей, и читать язык тела умела вполне себе неплохо.

– Здравствуйте, – поздоровался мужчина с легким намеком на улыбку, обозначенную лишь уголками губ, – я так понимаю, вы Ева. А я Орловский Павел Андреевич...

– Шпион? – перебив его, спросила Ева пустым, нейтральным тоном, без всякой эмоции в голосе.

– Почему шпион? – от неожиданности столь странного вопроса сбился со своего спокойного, выверенно-дружелюбного тона мужчина.

– Понятно, – тем же нейтральным тоном констатировала Ева и задала следующий вопрос: – Ну «и откуда ты взялся в полати царской, коли не было тебя»?

Мужчина, представившийся Павлом Андреевичем, посмотрел на нее, чуть приподняв удивленно брови, как на неведому зверушку, внезапно начавшую разговаривать. Но практически мгновенно совладал со своей непроизвольной реакцией, убрал визуальную демонстрацию эмоции и вновь обозначил доброжелательную улыбку уголками губ.

– А-а-а, – протянул он, легко усмехнувшись, – в этом смысле. Ваша тетушка Ангелина Львовна предложила мне пожить в вашем доме некоторое время, пока я в отпуске. Она уверяла, что в данный момент здесь никто не проживает, а с вами она согласует все вопросы.

– Понятно, – снова произнесла Ева совершенно пустым, нейтральным тоном.

Достала телефон из сумочки, порассматривала изучающе мужчину пару-тройку секунд, развернулась и вышла из дома, медленно закрыв за собой дверь.

Орловский работал за компом в небольшом, но очень уютном кабинетике на втором этаже дома, когда услышал звук отпирающегося замка в калитке. Окно кабинета, возле которого и стоял старинный, тяжелый, солидный стол из орехового массива, располагалось над крышей веранды, над главным входом в дом, и находилось аккурат напротив ворот и калитки, потому-то Павел и услышал звук отпирающегося замка. И не понял. А собственно, кто бы это мог быть? В том смысле, что вот так спокойно отпирать калитку, без всякого предупреждения человека, находящегося в доме, о своем приходе?

Поднявшись из-за стола, он прошел к краю окна, чтобы не быть на виду на случай, если тот, кто «проникает» на участок, станет осматривать окна дома. Калитка распахнулась, и Орловский увидел молодую, миниатюрную, стройную девчонку в курточке с накинутым на голову капюшоном, с которого капала и текла ленивыми струйками вода, в промокших насквозь от колен и выше брючках с заправленными в трекинговые ботинки штанинами. Она шагнула на дорожку участка, и в этот момент что-то случилось с ее большим, угловатым черным чемоданом, который, издав плохо различимый Павлу через окно звук, принялся заваливаться набок. Девушка успела подхватить чемодан, не дав тому окончательно рухнуть на мокрые плиты, нагнулась и, подняв что-то с земли, привалила чемодан к каменному столбику, закрыла и заперла на замок за собой калитку. Снова подхватила чемодан и направилась к дому.

И в этот момент Орловский понял два очевидных факта: первый – это хозяйка дома, то есть та самая Ева Валерьевна Ахтырская, и факт второй, менее приятный – она понятия не имеет о его пребывании в доме. То есть абсолютно не в теме. Наблюдая за тем, как девушка

приближается к дому, и прикидывая, как разруливать странную ситуацию, в которой они оба оказались, Павел понял, что случилось с ее багажом – у чемодана отлетело колесо.

И, услышав, как она ругается, не особо сдерживая себя, и как гремит по ступенькам оставшимися колесами чемодан, Орловский поспешил спуститься вниз, торопясь помочь девушке с ее явно слишком тяжелым багажом, но резко тормознул посередине лестницы, ведущей на первый этаж, сообразив, что, если сейчас вот так вот запросто выскочит из дома и предложит свою помощь, может ее сильно напугать.

Ну а как? Девочка приехала в свой пустой дом, а из него вываливает какой-то незнакомый мужик. Понятное дело, испугается.

Ну хорошо, – быстро размышлял-соображал Орловский, спускаясь по лестнице, – он не выскочит из дома, но буквально через несколько секунд они по-любому встретятся-столкнутся, и девушка так или иначе, но гарантированно испугается. И что в таком случае делаем?

А в таком случае знакомимся-представляемся, демонстрируя максимальную доброжелательную открытость и полное отсутствие даже намека на агрессию. Все, как положено в природе.

И подбодрил себя мысленно в тот момент, когда занял позицию в дверном проеме и услышал скрежет вставленного в замок ключа: «Ну что, работаем, Павел Андреевич».

Она действительно была невысокой и стройненькой. И симпатичной, вернее, Орловский охарактеризовал бы ее внешнюю привлекательность как утонченную и изысканную... Вот только при всей своей внешней хрупкости, особенно в этой промокшей насквозь одежде, добавлявшей ее облику некую растерянную незащищенность, наивной девчонкой и белой нежной ромашкой эта девушка не была совершенно определено.

Она смотрела на него в упор спокойным, ровным, ничего не выражающим взглядом удивительно ярких голубых глаз, в которых не читалось даже намека на испуг и растерянность.

Она сбила его своим странным вопросом про шпиона с доброжелательного, ровного тона, который Павел, представляясь, старательно выдерживал, и совсем озадачила следующим вопросом – какой-то очень знакомой цитатой, только вот так навскидку ему было сейчас не вспомнить, откуда взята эта цитата. Ну, не суть.

Важно другое, что девушка всего парой своих замечаний и этим острым, тяжеловатым и нечитаемым взглядом в упор голубых глазищ и великолепным владением своими эмоциями спутала Орловскому пусть и наскоро, но все же заготовленный сценарий их знакомства и предстоящего разговора, сумев сильно подивить.

А надо честно сказать, что удивить Орловского весьма и весьма непросто. Ну очень сложно, даже ближе к понятию: невозможно. А поди ж ты, удалось-таки. И кому? Хрупкой красавице с детским личиком, пухлыми губками и стальным взглядом острых, как два голубых стилета, направленных в лицо собеседнику глаз.

Выслушав его объяснение о том, благодаря чьему приглашению он здесь оказался, и поизучав мужчину пару секунд, девушка, видимо, потеряв к нему всякий интерес, достала смартфон из небольшой сумочки, висевшей на ней наискось, через плечо, развернулась и вышла на веранду, захлопнув за собой дверь.

Развернулась? Спиной? К совершенно незнакомому мужчине, которого обнаружила у себя в доме и видит первый раз в жизни? Да мало ли что он там проблеял про то, кто его сюда пустил и почему?

Вот так наивно-беспечно повернулась спиной? И это при таком-то взгляде-сканере, как у робота-разведчика?

Или она там что, в полицию звонит?

Он вдруг развеселился! Это было бы прикольно, если она вызывает полицию! Неожиданно Павлу стало азартно и отчего-то необычайно радостно, словно обогрело изнутри прилетевшим откуда-то обещанием чего-то невозможного, яркого и захватывающего...

– Ну надо же, – хмыкнул довольно Орловский и даже крутанул головой от чувств.

Давно он не испытывал такого звенящего внутри предчувствия захватывающих, увлекательных событий, от которого даже чуть покалывало в кончиках пальцев.

– Почему шпион-то? – недоуменно изогнув губы и приподняв плечи, посмеиваясь спросил Павел не то у самого себя, не то у пространства, глядя на входную дверь, за которой исчезла девушка.

Развернулся и двинулся в кухню – заваривать чай. Разговора им не избежать, а чай для сильно промокшей и явно уставшей девушки сейчас в самый раз, чтобы хоть немного согреться, и вполне может поспособствовать ее расположению и мирному течению их беседы.

Выйдя на промозглую, холодную веранду из теплого и явно не пару часов, а не меньше суток протапливаемого дома, выискивая в записной книжке смартфона нужный контакт, Ева непроизвольно передернула от холода плечами и села на стоявший у входа, сразу за усталое привалившимся рядом с дверным косяком многострадальным чемоданом, небольшой садовый диванчик из искусственного ротанга.

Нашла нужный номер и нажала вызов.

– О, Ева, ты чего звонишь? – бодрым баском обрадованно отозвалась на ее звонок «тетушка».

– Да вот хотела поинтересоваться, – объяснила Ева ровным, уставшим тоном, – Ангелина Львовна, ты вообще нормальная? Психически, я имею в виду? – внесла она уточнение в свой вопрос.

– Ева! – возмущенно пробасила собеседница. – Ты что себе позволяешь?

– Да я еще не то себе позволю, тетушка, – пообещала ей Ева, – я еще в полицию заяву накатаю о том, что ты распоряжаешься чужим имуществом, не ставя в известность собственника, что классифицируется в Уголовном кодексе как кража со взломом.

– Какую заяву?! Какой взлом?! – возмутилась, переходя на повышенные тона от негодования, тетка Аля и вдруг сбилась, видать, о чем-то запоздало вспомнив, ну, как в той идиоме про кошку со сметаной: – Ой... в смысле ты...

– Ага, – почти радостно подтвердила Ева, – в том самом смысле, о котором ты наконец вспомнила. Скажи мне, тетя Аля, а тебе никто не говорил, что в каждой квартире свои командеры?

– Ты что, приехала в Калиновку? – явно ошарашенно пробасила Ангелина Львовна.

– Это тебя совершенно не касается: приехала я в Калиновку или не приехала и где вообще нахожусь, – старательно, как для человека с ограниченными умственными способностями, тщательно выговаривая каждое слово, отвечала Ева. – Объясни мне, пожалуйста, что в моем доме делает абсолютно незнакомый мне человек, который утверждает, что это ты дала ему разрешение пожить здесь какое-то время?

– Ну а что ты приехала? – с нахрапистым наездом и нотками обиды в голосе, вместо оправдания и извинения, принялась отчитывать ее Ангелина Львовна. – Ты же туда носа не казала три года, что тебя сейчас-то понесло, да еще в такую погоду? И я хотела, да, хотела, – повторила она с нажимом, видимо, поспешив предупредить возмущение Евы, – спросить у тебя разрешения и поставить в известность. И звонила, аж два раза, но ты же была на операции и тебе было не дозвониться. Ну, я подумала, что потом сообщу. Ну и замоталась, забыла! У меня, знаешь, тоже дела имеются. К тому же можешь не волноваться, Павел не какой-то там неизвестно кто, а сын моей хорошей знакомой, человека известного и с должностью, да и сам не абы кто, а бизнесмен и порядочный человек. Ему требуется отдых, не знаю, что с ним там случилось, но Галиночка Викторовна, это его мама, – пояснила она торопливо, – говорила, что сыну необходимо восстановиться в тишине и покое, и желательно там, где его никто не будет тревожить звонками и наездами. Ну вот я и вспомнила про Калиновку и предложила.

– А тебе никто не объяснял разницу между понятиями «спросить разрешения» и «поставить в известность»? – потеряв свободной рукой замерзшее лицо, устало спросила Ева.

– Слушай, – взбодрилась вдруг тетя Аля пришедшей ей в голову неожиданной мыслью, – а ты что, на самом деле приехала в Калиновку? – И хохотнула: – И что, вы там столкнулись?

– Ой-й-й... – протянула-выдохнула замученно Ева, – засажу я тебя в дурку, вот ей-богу, или в каталажку. Как же ты меня достала со своими закидонами, честное слово.

– Ну что ты такое говоришь, Евочка? – пыхнула легким негодованием тетка. – Я же из самых благих намерений, надо же было помочь хорошему человеку, и кто ж знал, что тебя понесет ни с того ни с сего в Калиновку? Три года не была – и на тебе, припожаловала.

– Да твоими благими намерениями гвозди в тундре забивать, а не с людьми контактировать, – возбухнула уже без всякого огонька Ева и завершила ничемный разговор, начинавший ее выматывать своей тупостью и бесполезностью.

Впрочем, ничего удивительного, все как обычно с тетушкой Алей – ты ей про Фому, она тебе про Ерему, и хоть расшибись головой об ее монументальный бюст – по хрену! – ей до лампочки, она и не заметит, а ты себе нервы на ветошь измочалишь.

Только решительные и жесткие наказующие меры могут как-то доколотиться до ее сознания. Хотя бы на время.

Ну, будут ей наказующие!

– Значит, так, – холодным, начальственным тоном оборвала Ева что-то там эмоционально объяснявшую ей тетку, – председателю поселка Ивану Леонидовичу я дам строжайшее распоряжение: ни при каких обстоятельствах, никогда не смей давать тебе ключи от *моего*, – выделила она голосом и повторила: – моего дома. И объясню, что в обратном случае он станет соучастником грабежа. Ты никогда более не появляешься в Калиновке. И не смеешь даже подумать о том, чтобы кого-то приглашать и отправлять в этот дом. Это ясно?

– Да что ты придумала... – попыталась наехать тетка.

– Это ясно? – повысив голос, оборвала ее Ева.

– Ясно, ясно... – проворчала, сдаваясь, тетка и спросила жалостливо: – Павла-то что, выставишь?

– Да иди ты... – сдержала все-таки себя в последний момент Ева, – объясняться с его мамой, хорошим «человеком с должностью», – повторила она теткинo определение.

– Не сердчай ты так, Ева, – покаянным тоном произнесла тетка, предприняв попытку умиротворить девушку, – ну бывают всякие накладки, это жизнь.

– Самая большая накладка в жизни нашей семьи – это ты, – совсем уж устало ответила Ева и попрощалась: – Все, сил моих нет с тобой разговаривать.

И нажала отбой.

Откинулась на плетеную спинку диванчика, тяжело выдохнула, прикрыла глаза и замерла на пару секунд, постаравшись отключиться от всего на свете.

Отключиться не получилось, поскольку холод давно уже забрался ей не только под промокшую куртку, но и под свитер, и теплые колготы под мокрыми брюками. Но на адреналине и «нервяке», как высказывается все та же медсестричка в их отделении, Ева не чувствовала до этого, насколько замерзла и продрогла от сырости. И только сейчас осознала, что дрожит мелкой, противной дрожью, буквально трясется всем телом и даже частично внутренними органами.

Еще раз безнадежно и устало вдохнув-выдохнув, она, чуть не кряхтя, поднялась с диванчика и уперлась взглядом в скособоченный чемодан.

Поддавшись какому-то странному, необъяснимому порыву, Ева с большим душевным чувством пнула черную чемоданную тушу. От ее пинка он, как-то слишком громко проскрежетав ребром по стене, с грохотом обрушился на пол, издав непонятный звук, похожий на оханье, а одно из трех «живых» колесиков обиженно проскрипело, сделав пару оборотов.

– Ну, как-то так, – вздохнула Ева, наблюдая за тем, как замедляется и вовсе останавливает движение колесо.

И почувствовала, как не дававшее нормально дышать напряжение, звеневшее в ней натянутой струной с того самого момента, как она вышла из экспресса, вдруг исчезло, а скованные в комок, словно спазмом, нервы и эмоции расслабляются, как открывшийся кулак, превратившийся в ладонь.

В этот момент распахнулась входная дверь и на веранду шагнул Павел Андреевич, гость незванный и поселенец неожиданный в ее доме.

– Вам бы, Ева, согреться надо, – заметил он дружелюбно, без какого-либо подтекста, и предложил: – Я травяной напиток заварил. Хороший напиток, настоящий таежный сбор, один мой знакомый шаман делает. Верное средство от простуды. Хотите?

– Хочу, – кивнула Ева и призналась: – Но больше всего я хочу в душ. В горячий-горячий душ, – и, вдохнув-выдохнув, махнула, соглашаясь, рукой, – а потом можно и ваш шаманский напиток. – Посмотрела на мужчину и добавила: – Верное средство от простуды.

Павел Андреевич поставил на колесики чемодан, приподнял его одной рукой, второй распахнул дверь и повел приглашающим жестом, предлагая Еве проходить первой в дом.

– Котел с утра натоплен, так что горячий душ у вас имеется, – обрадовал он ее.

– Это круто, – искренне порадовалась новости Ева.

– Куда отнести чемодан? – спросил Орловский, заходя следом за девушкой в прихожую и закрывая за собой дверь.

– В мою комнату, – ответила она и пояснила после запинки, сообразив, что мужчина может и не знать, где эта самая ее комната: – На втором этаже, предпоследняя дверь слева.

Вытянув руки, упершись ладонями о стену и опустив голову, Ева стояла под горячими, жалящими струями воды и чувствовала, как согревается тело и словно смываются, стекая вместе с водой в слив в полу, остатки нервного напряжения этого бесконечного какого-то дня с его засадами и суетой, сменяясь расслабляющей, приятной негой и легкой усталостью.

Хорошо! Как есть хорошо!

Вот интересно, что бы она сейчас делала, не оказалась здесь этого самого Павла Андреевича, неожиданно вдруг подумалось Еве вялой, отогретой и ленивой мыслью.

Нет, на самом деле – вот что бы она делала, а?

Ну переделась, закуталась бы в теплые вещи, позвонила Ивану Леонидовичу, прося срочного «хелпу», по-русски называемого просто и незатейливо: «помогитя!» Дождалась бы, когда придет председатель, чтобы помочь раскочегарить котел и запустить все агрегаты на полную мощность. Нет, она, понятное дело, умеет это делать, но три года отсутствия – это все ж таки три года! Тут недели на три или месяц из квартиры уедешь, возвращаешься и не сразу вспоминаешь, где что у тебя лежит и находится. А тут серьезный, большой дом и агрегаты, аппараты, котлы по обеспечению его жизнедеятельности. Так что помощи она бы запросила.

Ну и что? Включили бы они обогрев дома, запустили бы всю «начинку», и сидела бы она, тряслась от холода и ждала, когда котел нагреется настолько, что можно будет хотя бы принять душ, ну чаю бы горячего выпила. А так ходила бы весь оставшийся день в телогрейке и домашних валеночках, пока дом основательно прогревался, и спать забралась бы в холодную постель. Бр-р-р-р...

Ева выключила душ, распахнула дверцы кабинки, выпуская в ванную комнату клубы пара, и, закрутив волосы в полотенце, торопливо вытершись, забралась в большой махровый халат и продолжила свою мысль.

...а тут и дом встречает уютным теплом, и вода для душа нагрета, и ее даже вон чай какой-то там отваристый, шаманский ждет, ну красота же, господи! А если учесть, сколько ей сегодня пришлось претерпеть всяких неприятных моментов и трудностей и как потрепать свои

нервы всякой раздражающей фигней, так и вовсе чудо дивное получается! Даже монстра черного чемоданного ей не самой пришлось волочь по лестнице, надрываясь, а мужчина галантно транспортировал ее багаж в комнату.

М-да, включив фен, продолжила свою мысль Ева, получается, ей прямо-таки несказанно подфартило, что этот Павел Андреевич, который «не шпион», здесь оказался?

Так, что ли?

Ну, наверное, так, расчесывая высушенные волосы и заплетая их в легкую косу, размышляла Ева, по меньшей мере его следует поблагодарить, ну а по большей – не выставлять за порог... Ну, предположим, по большей пока ничего не ясно.

Одно Ева знала со всей определенностью – она может не опасаться этого мужчины и не ожидать от него никакого подвоха и неприятностей.

При всей своей непробиваемой, железобетонной жизненной установке, гласившей: всё и все по фигу, когда ей что-то требуется, захотелось или стукнуло-взбрело в голову, – при полном отсутствии такта и буквально виртуозном умении игнорировать чьи бы то ни было мнения, потребности, желания и интересы, особенно если те лежат «поперек» ее желаний и идей, «тетушка» Ангелина имела какой-то нереальный нюх, невероятную чуйку на людей.

Такой потрясающий врожденный талант профайлера и психолога одновременно и умение просчитывать любого человека «на раз». А «на два» уже знать, понимать и прикидывать, до какой степени и как им можно манипулировать... а с кем лучше постеречься.

Кстати, благодаря именно этим своим качествам характера Ангелина Львовна столько лет работает незаменимым главным администратором и директором на картинах у известного режиссера. Она выбивала и доставала тому все необходимое для съемок и умудрялась еще смакивать артистов из любого другого проекта, в котором те заняты, если требовалось ее начальству.

Так. Это все к чему она? Отвлеклась, вспомнив тетку и ее подставу с незнакомцем в доме.

Так вот, Ева совершенно точно знала, что тетка Аля никогда, ни при каких обстоятельствах не предложила бы пожить в Калиновке человеку, который мог хоть чем-то навредить или принести какие-то неприятности семье и Еве в частности. Даже намеком!

Это святое! И при всех своих странностях и выкрутасах характера Ангелина Львовна невероятно уважала семью Евы и старалась оберегать их от неприятностей, если на то имелись ее возможности.

Так что с точки зрения безопасности этот мужчина угрозы Еве не несет, по крайней мере, физической, материальной, и будем надеяться, что и моральной.

Ладно, пора идти знакомиться с господином Орловским, усмехнулась Ева, переодеваясь в своей комнате.

– Здравствуйте, Павел Андреевич, в первый момент я на ваше приветствие, помнится, не ответила, так что реабилитируюсь, – поздоровалась Ева, входя в их большую кухню-столовую, в которой и обнаружила гостя незваного, «колдовавшего» над чем-то у газовой плиты.

– Здравствуйте, Ева, – повернув голову, посмотрел на нее мужчина и поздоровался в ответ, не оставляя при этом своего занятия, продолжая помешивать ложкой что-то в кастрюле, и спросил: – Обедать будете?

– Буду, – решительно ответила Ева и поддела: – Я смотрю, вы тут хорошо освоились.

Он отложил ложку на специальный керамический «подложник», накрыл кастрюлю крышкой и, повернувшись лицом к Еве, оперся спиной о столешницу и произнес некую декларацию:

– Ева, давайте договоримся с вами сразу: никаких язвительных замечаний, никаких укоров, подколов и упреков в мой адрес по поводу моего присутствия в вашем доме вы произносить не станете. Про себя можете думать что угодно, но произносить вслух не надо. Как я

понял, ваша тетушка не удосужилась уведомить вас о нашей с ней договоренности. А посему я такой же пострадавший в сложившейся ситуации, как и вы.

– Угу, – согласилась с ним Ева, усаживаясь на свой любимый стул за их большим семейным круглым столом, и усмехнулась: – Пострадавший. Как там говорится протокольным языком, «добросовестный приобретатель».

– Он самый. – Павел Андреевич не поддержал ее иронии. – А что касается того, насколько хорошо я освоился, я же не просто так сюда ввалился, меня в ваш дом «поселял» уважаемый человек, председатель поселка Иван Леонидович Попов, который честно и добросовестно ухаживает за вашим домом в отсутствие его хозяев. Он мне все показал, рассказал, что как работает и функционирует, и даже уведомил о некоторых проблемных моментах в системе жизнеобеспечения дома. За два дня, что я здесь нахожусь, я неспешно со всем разобрался и устранил мелкие неполадки.

Он говорил четким, монотонным тоном, без упрекающих и назидающих интонаций – просто сухое изложение фактов, а в конце своей речи неожиданно задал вопрос, резко отличавшийся интонационно, словно тумблер переключил:

– Так отвара выпьете? – и усмехнулся. Открыто, задорно усмехнулся: – Он ко всему прочему имеет еще и бодрящий эффект, а то, я смотрю, вы уже кемарите, того и гляди заснете, не дослушав мой спич и предложения до конца.

– Отвара выпью, – кивнула Ева и поинтересовалась с легкой язвительностью: – А что, Пал Андреич, с отповедью вы еще не закончили? Может, опустим этот пункт и перейдем сразу к конструктивным предложениям?

– Щас перейдем, – пообещал Орловский.

Он достал с полки две большие керамические кружки, поставил на столешницу рядом с плитой, снял крышку с другой кастрюли, не с той, в которой что-то помешивал, когда Ева вошла в кухню. Взял половник и разлил по чашкам темно-коричневую жидкость, исходящую легкими, прозрачными облачками пара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.